

О «ФУТУРИЗМЕ» В. БРЮСОВА

Ключевые слова: футуризм, символизм, дыр бул щыл, «Садок судей», «Пощечина общественному вкусу», В. Каменский, Н. Бурлюк, Д. Бурлюк, В. Брюсов, В. Маяковский, А. Крученых, Г. Тастевен.

Вопрос о футуризме в соотношении с именем В. Брюсова отсылает к противостоянию и конфликту, определяющим конкуренцию поэзии символизма и футуризма. «Футуризм» В. Брюсова отсылает, прежде всего, к критическим высказываниям поэта, к его пониманию и оценке футуризма, выраженным в целом ряде статей. Но не только. Вопрос о «футуризме» В. Брюсова значительно шире собственно брюсовского понимания и интерпретации; он выходит за пределы субъективной, брюсовской оценки и соотносится с резонансом, вызванным в русском обществе и в русской литературе скандалом появления и утверждения футуризма.

В. Брюсов замечает поэтов-футуристов с их первой публикации. Уже в феврале 1911 года во втором номере журнала «Русская мысль», в обзорной рецензии «Новые сборники стихов» В. Брюсов выделяет сборник «Садок судей» (Москва, 1910). Указывая на «бесконечную нелепицу поэм и рассказов, отпечатанных на обойной бумаге» [РМ 1911:№2:230-231], В. Брюсов все же отмечает «счастливые стихи» и «недурные образы», в частности, у В. Каменского и Н. Бурлюка. В общем, однако, В. Брюсов определяет сборник как стоящий «почти “за пределами литературы”»: «Сборник переполнен мальчишескими выходками дурного вкуса, и его авторы прежде всего стремятся поразить читателя и раздражить критиков (что называется *épater les bourgeois*)» [там же:230]. В. Брюсов удивительно проницателен и точен в понимании тактики футуристов, образ действия, *modus operandi* которых – скандал.

В 1913 году русская литература и общественность получает «Пощечину общественному вкусу». Манифест, составленный в

конце декабря 1912 года и подписанный Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым, знаменует выход на литературную и общественную арену русских футуристов. Одним из основных утверждений «Пощечины» объявлено «право» новых поэтов на «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» [Маяковский 1961:245]. Эта «непреодолимая ненависть» к языку означает кардинальное отрицание непосредственно предшествующей футуризму поэзии символизма. Футуристы отрицают столь ценимый символистами принцип «невыразимого» и утверждают культ «слова как такового». «Пощечина» объявляет о «Зарницах Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова». А. Крученых, радикальнейший среди будетлян, не медлит воплотить теорию на практике и выводит поэтическую формулу «Дыр бул щыл...» [Крученых 1913:12 (без пагинации)], в которой, по авторскому утверждению, «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» [Крученых, Хлебников 1913:9]. В. Брюсов ссылается на знаменитое «пястищише» А. Крученых и объясняет: «Конечно, мы никак не можем сочувствовать сведению речи <...> к междометиям и бессмысленным сочетаниям звуков <...> прежде всего потому, что эти сочетания букв, кроме того, что они абсолютно “не выразительны”, еще и крайне неприятны для слуха» [РМ 1913:№3:129]. «Выразительность», по В. Брюсову, – неотъемлемое свойство поэзии. Он объясняет, что можно отказаться от логического содержания в стихах, от «красивой формы стихов», от «соответствия изображаемого с тем миром, который нам кажется реальным». Но при этом невозможно отказаться от «выразительности»: «Если стихи не будут выразительны, не будут ничего говорить читателю, не заставят его что-то видеть, что-то чувствовать, это уже не будет поэзия, не будет искусство» [РМ 1913:№3:127]. Экспрессия поэзии футуризма для В. Брюсова – «невыразительна» и, следовательно, неприемлема как таковая. Фактически, В. Брюсов повторяет свои слова 1911 года о первом сборнике «Садок судей»: «почти “за пределами литературы”». На субъективность и неопределенность критерия «выразительности» указал в своем письме к В. Брюсову А. Крученых, при этом отметив по поводу публикации, что это «первая серьезная статья

и не ругательная» [Брюсов 1990:695]. Действительно, нельзя не отметить желание В. Брюсова понять новых поэтов: «Их выступления, как то всегда бывало с крайними течениями в литературе, возбуждают смех и негодование читателей; им ставят в вину непонятность и бессмысленность их произведений; их готовы просто считать шутниками и мистификаторами. Вряд ли, однако, такого отношения заслуживает группа молодых художников, стремящихся сказать и сделать что-то новое; справедливее попытаться понять их стремления и оценить эти начинания серьезно <...>» [там же:124]. В 1914 году, в своем «Диалоге о футуризме», В. Брюсов возвращается к вопросу о стихах «на языке “дыр-бул-щыл”», чтобы сказать: «Такие крайности естественны в молодой школе, притом подвергающейся яростным нападкам. То же самое бывало и в первые годы романтизма, и в первых битвах символистов» [Брюсов 1975:418].

В статье об акмеизме В. Брюсов отмечает: «Футуристы, почти все, в русской литературе – *homines novi*, люди новые, и от них естественно ожидать новых слов» [РМ 1913:№4:135]. Даже если и можно понять здесь некоторое снисхождение по отношению к дебютантам в литературе, основным, тем не менее, в этом утверждении является признание нового литературного течения и признание нового языка, как и права поэтов на поиск нового языка. Кроме того, определение *homines novi* звучит своеобразным отголоском футуристического самоутверждения: «Мы новые люди новой жизни». Именно так подписывают «Манифест» в альманахе «Садок Судей II» в 1913 году братья Д. и Н. Бурлюки, Е. Гуро, Е. Низен, В. Маяковский, В. Хлебников, Б. Лившиц, А. Крученых [Маяковский 1961:246].

В отличие от акмеизма, который В. Брюсов оценивает крайне отрицательно («Акмеизм – выдумка, прихоть, столичная причуда <...>», «<...> тепличное растение, выращенное, под стеклянным колпаком литературного кружка <...>» [РМ. 1913. №4:134]), футуризм, согласно В. Брюсову, имеет свое «историческое оправдание»: «Футуризм – явление стихийное. История литературы – всегда движение, и новое поколение писателей никогда не может удовлетвориться принципами своих предшественников. Молодым поэтам наших дней инстинктивно

хочется воплотить в своих стихах то новое, что внесли в психику человечества последние десятилетия, и, худо ли, хорошо ли, эти поэты ищут ему выражения» [там же]. Стратегия В. Брюсова-критика в отношении футуризма обусловлена желанием объяснить опыт русского футуризма как «отражение футуризма западного» и, главное, как естественное и непосредственное продолжение символизма. Об этом же пишет в самом начале 1914 года литературный критик и переводчик, организатор визитов в Россию Эмиля Верхарна и Филиппо Томазо Маринетти – «московский француз» Генрих Тастевен.

Опыт анализа Г. Тастевена удивляет точностью понимания явлений и одновременной наивностью противоречий. Г. Тастевен указывает на «безграничный оптимизм» и «ослепительное “да”» футуризма [Тастевен 2017:38]. Энтузиазм футуризма, «стихийное пробуждение оптимизма, с возрождением веры в землю» [там же:13] приходит на смену пессимизму и индивидуализму символистов, для которых вся новая красота современности непостижима, в силу их отвращения «к шуму масс»: «идеализм и крайний индивидуализм – вот две тенденции, которые помешали символизму ближе подойти к нашей современности» [Тастевен 2017:28]. Искусство, ставящее целью выразить устремления современности, должно преодолеть индивидуализм. Новый поэт призван передавать «импульсы, страдания и призывы сотен, тысяч и миллионов <...>» [там же:42]. Г. Тастевен констатирует, что футуристы «упиваются шумом современной культуры» [там же:28], но одновременно отмечает, что «утомившись сорока тысячами шумов и всем машинно-автомобильно-аэропланым гулом нашей культуры, душа художника-футуриста влечется к первобытному» [там же:54]. Так, например, в стихах футуристов А. Крученых и В. Хлебникова Г. Тастевен не видит «ни современности, ни будущего» [там же:40]. А «пресловутый “дыр бул щил убещур”» для Г. Тастевена – только повод для риторического вопрошания о связи с современностью [там же:29].

В формальных особенностях футуристической поэзии (от словотворчества до разрушения синтаксиса) Г. Тастевен видит прямое продолжение опыта символистов. Футуристы, таким образом, являются «завершителями», «максималистами

символизма» [там же:41]. А футуризм, по Г. Тастевену, не что иное, как путь к новому символизму, что и номинирует само название его книги: «Футуризм. На пути к новому символизму». Если футуризм как литературное течение исходит из символизма, то, как «общее культурное и моральное устремление» новой эпохи, футуризм превосходит символизм [там же:26]. Утверждая футуризм в качестве нового мироощущения, объявляя его «знаменем эпохи», Г. Тастевен отрицает значение литературных группировок, утверждающих футуризм: «футуризм не есть эстетическая школа, а прежде всего моральный девиз или лозунг, стоящий перед всей нашей современной культурой» [там же:67]. Это кардинальное разграничение будет впоследствии утверждено В. Маяковским, который в 1915 году объявит о том, что «футуризм мертвой хваткой взял Россию» [Маяковский 1955:350]. Кажущееся совпадение двух утверждений скрывает кардинальное противоречие: Г. Тастевен утверждает незначительность нового эстетического движения в сравнении с новым мироощущением, в то время как В. Маяковский констатирует торжество новой художественной школы, сформировавшей новое миропонимание.

В. Брюсов систематически отрицает формальное своеобразие поэзии футуризма и утверждает ее зависимость от символизма. Он устанавливает своего рода свод заимствований, заявляя, например, что «притязания футуристов» на «увеличение словаря <...> (слово-новшество)» и на «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» сводятся, по сути, к проповеди смелых неологизмов, что является приемом, «которым широко пользовались и романтики и символисты» [РМ 1913:№3:125-126]; футуристическое разрушение синтаксиса («Намеренная а-грамматичность, как, например, у Бенедикта Лившица») В. Брюсов соотносит с опытом разрушения грамматического построения фразы, осуществленным А. Рембо и С. Малларме [там же:130]. Следующие цитаты позволяют вполне осветить точку зрения В. Брюсова: «Темы, которые затрагивают футуристы, разрабатывались ранее романтиками и символистами; метры футуристических стихов уже давно известны в русской поэзии; словесные новшества, на которые отваживаются новые поэты, тоже были уже испробованы (и часто более удачно) в

литературе декадентами, символистами и их предшественниками» [там же:127]; «Ранние французские символисты тоже любили пользоваться словами обветшалыми или неупотребительными формами слов; охотно создавали они, задолго до г. Хлебникова, и свои собственные слова. У нас то же делали А. Добролюбов, Ив. Коневской и др. В 80-х годах, в Париже, был даже издан словарчик “декадентских” слов: *Petit glossaire pour servir à l’intelligence des auteurs décadents et symbolistes*. Р. 1888» [РМ 1913:№3:128]. После всего перечисленного В. Брюсов, однако, заключает: «<...> какая-то “правда”, какие-то возможности развития в их попытках чувствуются» [там же:132], «<...> но они глубоко ошибаются, если думают, что могут создать нечто ценное, без прямой связи с литературой предшествующей. Согласно с этим, придется футуристам поучиться многому у своих прямых предшественников – символистов – и неизбежно принять самую идею “символа”, как отныне неустранимую ни из какой эстетики» [там же:133]. В этом заключении В. Брюсова можно увидеть, с одной стороны, – попечительское расположение к новой литературе, с другой – слепоту и полное непонимание явления футуризма. Понять отношение футуристов к столь ценной для символистов абстракции – символу, к этому – по формуле А. Белого – «окну в Вечность» [Белый 1994:212], можно из шуточного стихотворения В. Хлебникова «Бесконечность»:

Бесконечность – мой горшек (sic.)

Вечность – обтиралка

Я люблю тоску кишек

Я зову судьбу мочалкой.

[Хлебников 1933:381]

В статье «Год русской поэзии» В. Брюсов, цитируя это четверостишие, отмечает «“наклон” к сквернословию» как характерный для футуристов и признается, что «<...> не знаешь, как относиться к некоторым стихам: видеть в них неостроумную шутку или считаться с ними тоже, как с сознательным осуществлением футуристами своей программы» [РМ 1914:№5:30]. Даже если В. Брюсов и утверждает, что «ничего положительного» русский футуризм так и не дал, он, тем не

менее, отмечает, что фактически в 1913 году не было ничего важнее футуризма: «Минувший год в русской поэзии останется памятен всего более спором о футуризме» [там же:25]. В этой статье В. Брюсов ставит вопрос о влиянии поэзии русских футуристов на русскую поэзию: «Интереснее теперь рассмотреть, как футуристическое движение отразилось на поэтах, непосредственно к футуризму не примыкающих» [РМ 1914:№5:31].

Это последнее предложение статьи приобретает особый интерес, поскольку мы знаем, что в 1913 году в Москве выходит книга, озаглавленная «Футуризм в стихах В. Брюсова». Ее автор, литературный критик Андрей Акимович Шемшурин, парадоксальным образом обвиняет В. Брюсова в непонимании и неприятии футуризма и, одновременно, объявляет его первым русским футуристом. «История литературы должна перевести г. Брюсова из символистов в футуристы, и он, таким образом, окажется главою школы» [Шемшурин 1913:44]. Книга Шемшурина – удивительный пример критической аберрации – представляет безусловный исторический интерес, несмотря на неточность и ошибочность терминов и формулировок. Все формально-семантические особенности новой поэзии А. Шемшурин объясняет приемом «сдвига». Этот термин, с размытыми контурами, заимствует А. Крученых и издает в 1922 году «Сдвигологию русского стиха». Как и у А. Шемшурина, у А. Крученых понятие «сдвига» – расплывчатое, затрагивающее одновременно случаи обратной рифмы, аллитерации, синтаксические или семантические инновации. Нас книга А. Крученых интересует в силу возможности рассмотреть пример сопоставления образной выразительности раннего В. Маяковского с поэтическим выражением позднего В. Брюсова. А. Крученых соотносит строку из стихотворения В. Брюсова «С Ганга, с Гоанго...» (1922) со строкой из «Трагедии» (1913) В. Маяковского.

Интересно не только и не столько совпадение образов двух поэтов, сколько полное неприятие футуристами поэтического выражения В. Брюсова. Цель А. Крученых вовсе не указать на влияние В. Маяковского на В. Брюсова, на заимствование или преломление образа. А. Крученых соотносит две строки с

единственной целью: отметить невыразительность строки В. Брюсова и указать на совершенство и экспрессию выражения В. Маяковского. А. Крученых объясняет, что «однообразное повторение одинаковых звуков не всегда усиливает их» [Крученых 1922:7]. Как пример неудачного повторения, А. Крученых и дает строку В. Брюсова: «В бубны буди острозубые бури». Для А. Крученых эта фраза сводится к примитивному: бубу-бу-бу. «Построение однообразное, механическое и совершенно не верное». «Брюсов думал, что бу-бу-бу усиливает бурю, а получается юмористика! Нет интонации, нет оттенков, усилений, нарастания звука! Хотя бы у Маяковского поучился:

и в бубен брюха веселье бейте!

– от глухого бу через увлажненное брю переход в звонкое бей-эй!! Однообразное б разнообразится гласными» [там же].

Правомерно ли видеть в строке В. Брюсова влияние В. Маяковского? Этот вопрос интересен в соотношении с другим вопросом, сформулированным самим В. Брюсовым, о том, «как футуристическое движение отразилось на поэтах, непосредственно к футуризму не примыкающих» [РМ 1914:№5:31]. Мы знаем, из статьи «Год русской поэзии», что В. Брюсов положительно оценил «Трагедию» В. Маяковского: «<...> в его трагедии встречаются и удачные стихи, и целые стихотворения, задуманные оригинально» [там же]. Мы знаем также, что образность строки из «Трагедии» варьируется в поэзии самого В. Маяковского. Ее отголосок находим в стихотворении «Наш марш» (1918), где «и в бубен брюха веселье бейте!» превращается в «Бейте в площади бунтов топот!» Однако, можно ли говорить об отзвуке фразы В. Маяковского у В. Брюсова? Во всяком случае, можно сказать, что этот вопрос футуристов не занимал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. II. М., 1994.
2. Брюсов В.Я. Год русской поэзии // [РМ] Русская мысль. 1914. №5.

3. Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // [PM] Русская мысль. 1911. №2.
4. Брюсов В.Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // [PM] Русская мысль. 1913. №4.
5. Брюсов В.Я. Новые течения в русской поэзии. Футуристы // [PM] Русская мысль. 1913. №3.
6. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.VI. М., 1975.
7. Брюсов В.Я. Среди стихов. 1894-1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990.
8. Крученых А.Е. Помада. М., 1913.
9. Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха, М., 1922.
10. Крученых А.Е., Хлебников В.В. Слово как таковое. М., 1913.
11. Маяковский В.В. Полное собр. сочинений: В 13 т. М., 1955-1961. Т.I: 1912-1917. М., 1955. Т.XIII: Письма и другие материалы. М., 1961.
12. Гастевен Г. Футуризм. На пути к новому символизму. М., 2017.
13. Хлебников В.В. Собр. произведений: В 5 т. Т.V. Л., 1933.
14. Шемшурин А.А. Футуризм в стихах В. Брюсова. М., 1913.

ALEXANDRE AKHSAKHALYAN – ON V. BRUSOV'S FUTURISM

V. Brusov gave close scrutiny to the Futurists from the very moment they had begun publishing. From 1911 on, he wrote a series of articles, which reveal the evolution of his perception: from negating Futurism he passed on to establishing links between Futurism and Symbolism. The issue of influence of Futurism on V. Brusov brings out the complexity of correlation between the two movements.